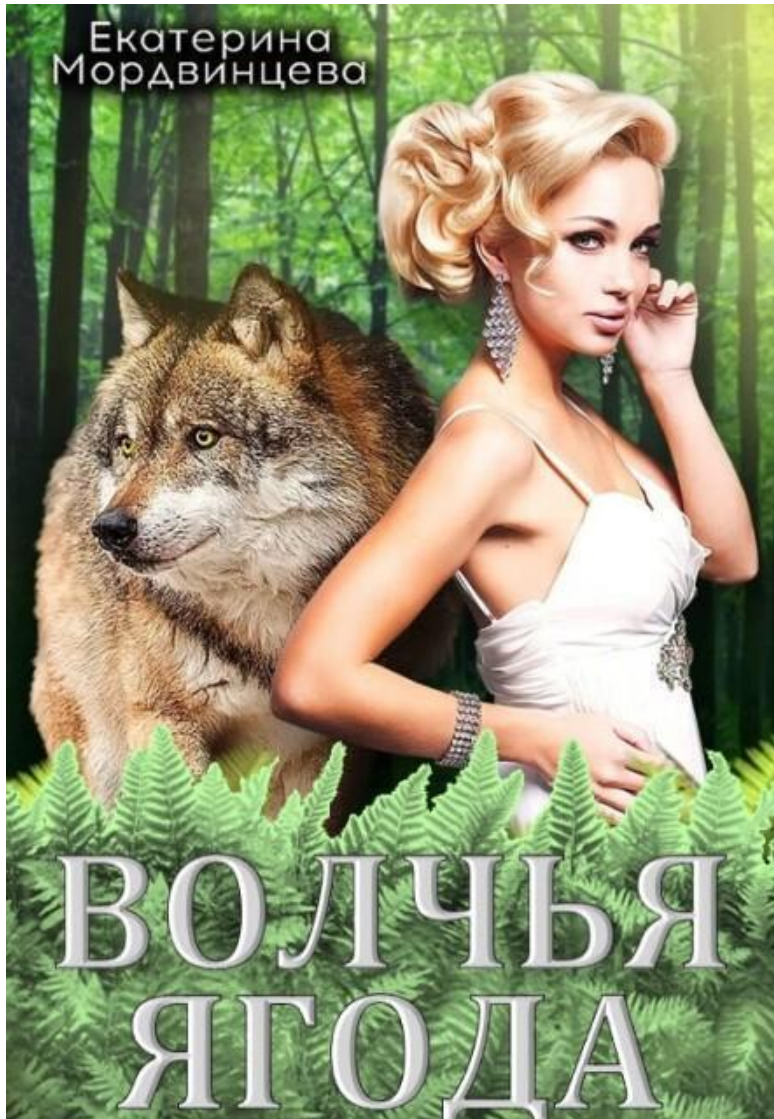

Екатерина
Мордвинцева

ВОЛЧЬЯ
ЯГОДА

Екатерина Мордвинцева

Волчья ягода

<https://litres.ru/74211523>

Аннотация

Кто-то следит за Викторией по ночам. Её подругу похищают. А единственный, кто может помочь — тот, кого она боится больше всего. Вадим Фролов — не человек. Но он и не чудовище. Он — её единственный шанс. И её самая запретная страсть.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	36
Глава 3	58
Глава 4	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пролог

Тогда мне казалось, что самое страшное в жизни — это провалить вступительные экзамены.

Я ошибалась. Самое страшное — это случайно коснуться того, кто вывернет твою душу наизнанку одним взглядом, а потом притворится, что тебя не существует.

Август пылил жарой. Университет имени Ворошилова — махина из серого бетона и советской архитектуры — стоял в центре города как монумент нелюдимости. Липы во дворе отчаянно шумели, но не давали тени. Я шла по главной аллее с замиранием сердца, сжимая папку с документами так, что побелели костяшки.

— Вика, не трясись, — сказала мама по телефону. Я слушала её через дешёвые наушники, которые то и дело выпадали из ушей. — У тебя же золотая медаль, сто баллов по русскому...

— Мам, это творческий конкурс. Рисунок. Там не сдашь по шаблону. — Я перешла на шёпот, хотя вокруг никого не было. Только голуби да тётенька с метлой у входа.

— Ты моя художница. Всё будет хорошо.

Я сбросила звонок. Хорошо — это когда принимают на бюджет. А если нет? Родители едва тянули ипотеку. Платное отделение отпадало сразу.

Внутри университет пахло мелом, старыми книгами и

чем-то ещё — сладковатым, неуловимым, как засохший мёд. Я спросила у вахтёрши, где деканат дизайна. Та махнула рукой в сторону лестницы:

— Второй этаж, правое крыло. Но там сейчас пересменок, беготня. Осторожнее с кофе.

Кофе. Точно. Я купила в автомате на первом этаже пластиковый стаканчик с отвратительным американо, чтобы взбодриться после бессонной ночи. Зачем я это сделала? Почему не выпила его там, у автомата? Почему попёрлась на второй этаж с этим кипятком в руках, от которого жгло пальцы даже через картонный фиксатор?

Вопросы, которые я буду задавать себе ещё много ночей.

Второй этаж встретил меня коридором-трубой. Слева — двери в аудитории с табличками «Кафедра ИЗО», «Методичка», «Деканат». Справа — окна во всю стену, выходящие во внутренний двор, где какой-то мужик стриг кусты электрическими ножницами. Людей почти не было. Деканат оказался заперт. На двери висела бумажка: «Приём документов с 14:00 до 16:00. Перерыв».

Я выдохнула. Четырнадцать ноль-ноль. Сейчас было половина первого. Полтора часа торчать в коридоре с кофе, который остывает и становится горькой бурдой.

— Чёрт, — прошептала я и прислонилась спиной к подоконнику.

И тогда я впервые его увидела.

Он появился из-за поворота в конце коридора — шёл

быстро, бесшумно, как будто по льду. Молодой мужчина, чуть старше меня, но с такой... взрослой тяжестью в плечах. Тёмные волосы, небрежно зачёсанные назад, острые скулы, серые глаза — нет, скорее стальные, с холодным блеском. Белая рубашка с закатанными рукавами открывала предплечья с чёткими венами. Брюки, туфли. Профессор? Аспирант? Студент старших курсов выглядит иначе — более драный, что ли.

Он нёс в руках стопку книг и папок, закрывая ими половину лица. Я не сразу поняла, что смотрю на него открыто, как дура. Кофе в моей руке задрожал.

Зачем я сделала шаг ему навстречу? Зачем не уступила дорогу?

Он тоже изменил траекторию — синхронно, как в танце. Мы метнулись влево, потом вправо, потом снова. Книги мешали ему видеть, я — торопилась убраться с дороги.

В итоге мы столкнулись.

Стакан с кофе вылетел из моей руки. Я даже не вскрикнула — просто замерла, глядя, как коричневая жижа выплёскивается на его белую рубашку, на книги, на пол, на мои белые кеды. Жидкость была ещё горячей. Пятно расплзлось по ткани в районе его грудной клетки с ужасающей скоростью.

— О господи, — выговорила я наконец. — Простите! Я... сейчас...

Я начала шарить по карманам в поисках салфеток. В рюк-

заке — ключи, телефон, кисти, но не платок. Ничего. Достала рукав собственной толстовки и потянулась к нему.

— Не надо, — сказал он.

Голос — низкий, с хрипотцой, как будто он только что проснулся или... или сдерживал себя изо всех сил.

— Но у вас рубашка! — воскликнула я, всё ещё намереваясь промокнуть пятно.

И тогда он схватил меня за руку.

Не грубо. Но очень точно. Его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья, как стальные обручи. Кожа была горячей — неестественно горячей, как будто под ней текла не кровь, а лава. Я подняла глаза.

На секунду мне показалось, что коридор исчез.

Вместо него — огонь. Жёлто-золотой огонь в двух безднах. Его глаза... они засветились. Буквально. Словно кто-то зажжёт свечи за зрачками. Я видела не просто радужку, я видела что-то глубоко внутри, что смотрело на меня нечеловеческим голодом. Не сексуальным — хищным.

В ушах зашумело. Пол под ногами качнулся. Я почувствовала запах — мокрой шерсти, земли после дождя, озона перед грозой. И страх. Не мой страх. Его. Этот идеальный, выбритый, холодный мужчина боялся. Но не меня. Он боялся того, что может сделать.

Тьма в уголках глаз начала разрастаться, как клякса на промокашке. Я теряла сознание? Или он каким-то образом втягивал меня в себя?

— Отпусти, — прошептала я, но голос не послушался.

Он отпустил сам. Резко, словно обжёгся. Я пошатнулась, ударилась лопатками о стену. Кофе на полу уже растёкся в лужу, похожую на карту неведомой страны.

Он отступил на шаг, потом на два. Книги так и лежали у его ног в коричневых разводах. Рубашка — испорчена. Но он даже не взглянул на пятно. Всё его внимание было приковано ко мне.

— Ты... — начал он и запнулся. Впервые его голос дрогнул. — Ты кто?

— Виктория Денисова, — почему-то ответила я, как на допросе. — Поступающая.

— Виктория, — повторил он, пробуя имя на вкус, и поморщился, словно оно обожгло язык. Потом наклонился, подхватил книги, не обращая внимания на грязь, и выпрямился. И тогда сказал то, что въелось в мою память, как клеймо:

— Не подходи ко мне.

Не попросил. Не посоветовал. Приказал.

И ушёл.

Я стояла в коридоре одна, с дрожащими коленями, в кедрах, залитых кофе, и смотрела ему вслед. Он скрылся за поворотом, и его шагов не было слышно даже в тишине. Как будто он растворился.

— Что это было? — спросила я у пустоты.

Ответа не последовало.

Я не провалила экзамены. Наоборот, прошла на бюджет с четвёртым местом в рейтинге. Мои работы — серия городских зарисовок под названием «Ночные хищники» — получили хвалебные отзывы. Приёмная комиссия особо отметила «умение передать напряжение между человеком и зверем внутри».

Ирония судьбы.

Первые два месяца я избегала того крыла на втором этаже, где мы столкнулись. Переходила на другую сторону улицы, заходя в универ. Вахтёрша привыкла, что я спрашиваю: «А молодой преподаватель с тёмными волосами, высокий, сероглазый — это кто?» Но никто не мог дать внятного ответа. Одни говорили — аспирант с кафедры биологии. Другие — не преподаватель вовсе, а внешний сотрудник. Третьи вообще пожимали плечами.

Ближе к октябрю я почти забыла. Решила, что мне привиделось. Свет в глазах? Запах? Просто переутомление от бессонницы и волнения. С ним, наверное, то же самое — психика сыграла шутку.

Но где-то в подсознании засела заноза. Его лицо. Холодная, пугающая красота. И фраза: «Не подходи ко мне». Почему? Чего он боялся? Что я увижу?

Или что он может сделать?

Я закончила первый семестр на отлично. Завела подружку Алину — шумную, рыжую, которая всегда носила с собой печенье и сплетни. Записалась в секцию скалолазания, что-

бы не думать о странностях. Жизнь вошла в колею: пары, общежитие, ночные посиделки с Алиной, дешёвый растворимый кофе по утрам.

Я почти не вспоминала того коридора.

До тех пор, пока на втором курсе не взяла в руки расписание.

Таймскип — один год спустя.

Сентябрь. Первое сентября. Я уже не зелёная первокурсница, а бывалый боец. На мне чёрные джинсы, ботинки на тракторной подошве, свитер оверсайз. Волосы собраны в небрежный пучок. В руке — привычный стакан кофе (этот я не расплескала, всё же опыт).

Алина бежала рядом, пережёвывая печенье:

— Слышала, у нас новый преподаватель по спецкурсу. «Аномальная психология восприятия». Типа, почему мы видим лица в облаках и боимся темноты.

— Бред, — ответила я. — Психология — не наша специальность.

— А деньги университета, детка, не пахнут. Лишь бы платили. Ну и мы кредиты закроем.

Мы поднялись на третий этаж, где висели списки групп с указанием аудиторий. Толпа студентов шумела, как улей. Я пробилась к стенду, нашла свою фамилию.

Спецкурс «Аномальная психология восприятия» — вёл Фролов В.А., аудитория 317.

— Фролов, — повторила я вслух. — Не слышала о таком.

— Может, новый. Или из магистрантов, — пожала плечами Алина. — Пошли, опоздаем.

Аудитория 317 оказалась маленькой, полупустой, с пыльными шторами и амфитеатром скамеек. Я села на предпоследний ряд, достала планшет. Время шло. Студенты подтягивались. Я листала ленту.

И тут хлопнула дверь.

Я подняла голову.

Он стоял на пороге. Белая рубашка — на этот раз идеально чистая. Тёмные волосы чуть длиннее, чем год назад, падают на лоб. Те же острые скулы, тот же холод во взгляде. Но глаза — нет, они были не серебряными, а... нет, мне показалось. Серыми. Обычными человеческими серыми.

Он обвёл аудиторию медленным взглядом. И остановился на мне.

Всего на долю секунды. Но я видела, как в его зрачках что-то дрогнуло — как будто он узнал меня. Или, скорее, как будто угодил занозой, которую пытался забыть.

— Здравствуйте, — сказал Вадим Фролов, голос — тот же низкий, с хрипотцой. — Меня зовут Вадим Андреевич. Этот курс будет сложным. Я не ставлю пятёрок за красивые глаза. И я не принимаю домашние задания в электронном виде — только бумажные, подписанные и сброшюрованные.

Кто-то застонал.

— Кроме того, у меня есть особое требование, — он прошёлся вдоль скамеек, и я заметила, как странно он вышаги-

вает — плавно, беззвучно, как хищник в загоне. — В этом семестре мы будем говорить о вещах, которые мешают творчеству. Страхи. Фобии. Иррациональные влечения. Поэтому я хочу, чтобы каждый из вас ответил на один вопрос...

Он встал прямо напротив меня. Через два ряда. Но я чувствовала его взгляд кожей.

— Денисова Виктория, — произнёс он, заглянув в журнал. — Что вы боитесь потерять в первую очередь?

Я оцепенела. Откуда он знает мою фамилию? Мы не виделись год. Он не мог запомнить.

— Свободу, — ответила я первое, что пришло в голову. Он сощурился.

— Свободу от чего?

— От контроля. От чужой воли.

— Хорошо. — Он сделал пометку в журнале. — А теперь скажите, почему вы солгали?

По аудитории прокатился смешок. Я почувствовала, как кровь прилила к щекам.

— Я не лгала.

— Лгали, — спокойно повторил Вадим. — Вы боитесь не потерять свободу. Вы боитесь, что кто-то увидит вас настоящую. Поэтому вы нарисовали «ночных хищников» на вступительных — существ, которые скрываются в темноте. Это была автобиография, Денисова. Не надо обманывать преподавателя, который читает ваши работы.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он уже отвернулся.

— Неуд условный. Придёте на консультацию в среду, пересдадите ответ. А теперь тема лекции: «Иррациональные страхи как источник творческой энергии».

Сердце колотилось где-то в горле. Алина толкнула меня локтем и прошептала:

— Что ты ему сделала? Мужик явно затаил обиду.

Я ничего не ответила. Потому что знала: это не обида. Это продолжение того, что началось год назад в коридоре.

Не подходи ко мне.

Но я уже подошла. Не физически. Самим фактом своего существования в его аудитории.

И теперь, похоже, мне предстояло узнать, почему этот холодный, опасный человек с глазами, которые на секунду загораются золотом, так отчаянно хотел сохранить дистанцию.

Конспект лекции я почти не слушала. Всё занятие я сидела, вцепившись в планшет, и наблюдала за Вадимом. Как он ходит. Как поворачивает голову. Как останавливается возле окна и на мгновение задерживает взгляд на солнце — не жмурится, как обычные люди, а смотрит прямо, как будто свет ему не мешает.

И как иногда, когда он думает, что никто не видит, проводит языком по клыкам.

Клыкам. Я не сошла с ума. У него были чуть длиннее

обычного клыки. Я заметила это, когда он улыбнулся на чью-то глупую шутку. Не клыки вампира — нет. Такие... волчьи.

Я тряхнула головой. Фантазия. После того случая я начала всякого городского фольклора, и теперь мне везде мерещатся монстры.

Когда прозвенел звонок, я собралась быстрее всех, но Вадим меня опередил:

— Денисова, задержитесь.

Алина бросила на меня испуганный взгляд, но выскользнула с остальными. Дверь закрылась. Мы остались вдвоём в пустой аудитории, залитой серым сентябрьским светом.

Он стоял у окна ко мне спиной.

— Вы знаете, кто я, — сказал не вопросом.

— Знаю только вашу фамилию. С того раза... — я сглотнула. — С прошлого года. Мы столкнулись в коридоре, и вы...

— Я сказал не подходить ко мне.

— Да.

— Вы не послушались.

Я выпрямилась.

— Простите, но это вы пришли преподавать на мой курс. Как я должна была узнать, что вы — тот самый? Вы не представились.

Он резко обернулся. В его взгляде мелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Сейчас я представляюсь. Вадим Андреевич Фролов.

Ассистент кафедры теоретической биологии по совместительству, а с этого семестра — ваш преподаватель. — Он помолчал. — И я хочу, чтобы вы поняли одну простую вещь, Виктория.

Он впервые назвал меня по имени. Полным. Не Вика. Не сокращённо. И это прозвучало как предупреждение.

— Между нами не будет ничего, кроме академических отношений. Вы будете посещать мои пары, сдавать зачёты, писать курсовые. Но вы не будете приближаться ко мне ближе, чем на три метра. Вы не будете задерживаться после занятий. Вы не будете искать встреч со мной в коридорах. Вы меня поняли?

Я кивнула, хотя в голове кипело возмущение.

— Почему? Что я такого сделала?

— Вопросы не принимаются, — отрезал он. — Просто запомните: если вы приблизитесь ко мне снова, я не отвечаю за последствия. Не для вас. Для себя.

Он взял папку и вышел, не дожидаясь ответа.

А я осталась сидеть на скамейке, сжимая планшет, и чувствовала, как по позвоночнику ползёт холодок.

Что за человек требует держаться на расстоянии? Или... не совсем человек?

И почему, несмотря на весь его ледяной тон, я вдруг отчётливо поняла, что хочу нарушить все его запреты?

Не подходи ко мне.

Слишком поздно, Вадим Андреевич.

Я уже не могу остановиться.

Глава 1

Я ненавижу первое сентября.

Не в пафосном смысле «прощай, лето», нет. Просто это день, когда рушатся все иллюзии. Летом ты можешь притворяться, что живёшь в кино: длинные вечера, шашлыки на балконе общежития, ночные разговоры с Алиной про мальчиков, которых мы никогда не позовём на свидание. А первого сентября возвращается реальность. Толчок в семь утра. Душ на двадцать человек. Очередь за кипятком, где какая-то первокурсница с пакетом доширака смотрит на тебя испуганным зайцем.

И расписание. Вот что я ненавижу больше всего. Потому что расписание — это приговор.

В этом году судьба решила надо мной посмеяться.

— Вика! — Алина ворвалась в комнату без стука, как всегда. Рыжие кудри торчат во все стороны, в руке — телефон, на экране — фотография какого-то парня. — Ты только посмотри, кто вернулся из армии! Помнишь, с параллельного потока, тот блондин с веснушками?

— Не помню, — буркнула я, натягивая джинсы. — Что с расписанием? У нас первая пара — предмет чей?

— Да плевать на предмет! У него бицепс как моя голова!

— Алина. — Я повернулась к ней с расчёской в руке. — Сосредоточься. Нам четвёртый семестр. Если мы завалим

спецкурс, прощай стипендия. А стипендия — это единственная возможность есть не только дошик.

Она закатила глаза, но послушно открыла расписание на телефоне.

— Первая пара — «Аномальная психология восприятия». Аудитория 317. Ведёт... — Она на секунду замолчала и присвистнула. — Фролов Вадим Андреевич. Вика, это тот хмырь, который вчера тебя подловил?

Я не ответила. Вчера. Первое занятие было вчера? Нет, кажется, по расписанию этот предмет по понедельникам и средам. Вчера было воскресенье. Я ничего не путаю. Просто та встреча в аудитории после лекции... она была не вчера. Она была сегодня? Или завтра? Голова шла кругом.

— Вика, — Алина помахала рукой перед моим лицом. — Ты где?

— Я не знаю его, — соврала я.

— Врёшь. Ты побелела как стена.

Я посмотрела в зеркало. Она была права. Лицо приобрело цвет плохо отстиранной простыни. Под глазами залегли тени — я почти не спала после того разговора в аудитории. После того, как он сказал «не подходи ко мне» и «не приближайся ближе чем на три метра». После того, как я поняла, что этот странный, опасный человек будет вести у нас пары весь семестр.

— Идём, — сказала я, застёгивая ботинки. — Опоздаем — он нас живьём съест.

Алина хихикнула.

— Съест? Ну, он довольно аппетитный, я б даже не против.

— Алина!

— Что? Ты видела его глаза? И скулы? И плечи? Вика, он же красавчик. Злой красавчик — самый интересный вид.

Я ничего не ответила, потому что в глубине души боялась, что Алина права. И этот страх был совсем не академическим.

Аудитория 317 встретила нас полумраком и запахом старых книг. Амфитеатр скамеек, доска с меловыми разводами, проектор, висящий как летучая мышь под потолком. Мы сели на третьем ряду — достаточно близко, чтобы видеть, и достаточно далеко, чтобы успеть сбежать.

Студенты подтягивались медленно. Кто-то с кофе, кто-то с вялыми бутербродами. Я узнавала знакомые лица: Лена Королькова, вечная отличница с бантиком; Дима Шац, геймер в худи с драконом; Катя Мельник, которая каждую пару рисует в блокноте анимешных девочек. Обычные люди. Никто из них, кроме меня, не знал, что преподаватель — тот самый тип из коридора. Что он может смотреть так, что кровь стынет в жилах. Что его пальцы оставляют на коже следы, которые не проходят часами.

— Слышали, он биолог, — шепнула Алина, зависая в телефоне. — Ведущий научный сотрудник какой-то лаборатории. Молодой, перспективный. И абсолютный псих.

— Почему абсолютный?

— Говорят, прошлый семестр у него на истфаке был кошмар. Он полгруппы на пересдачу отправил. Просто потому, что они не так ответили на вопрос «что такое страх»?

— Как неправильно можно ответить на такой вопрос?

— Вот и они не поняли. — Алина пожала плечами. — Осторожнее с ним. У него пунктик на правде.

Я вздохнула. Пунктик на правде. Это я уже прочувствовала, когда он заявил, что я солгала про страх потери свободы.

Дверь хлопнула.

Он вошёл без стука — просто появился на пороге, как будто материализовался из темноты коридора. И в ту же секунду аудитория затихла.

Я не хотела на него смотреть. Честно. Я уставилась в планшет, сделала вид, что читаю конспект прошлогодней лекции по композиции. Но периферическим зрением всё равно видела: белая рубашка с длинными рукавами (сегодня без закатки), тёмные брюки, странные ботинки на толстой подошве. Волосы чуть влажные, как будто он только что из душа. И походка. Та же самая — бесшумная, плавная, как у танцора. Или хищника.

— Здравствуйте, — сказал он, и голос прозвучал в динамиках аудитории неожиданно громко. Микрофона у него не было — просто акустика такая, или он умел говорить так, чтобы его слышали даже на галёрке. — Меня зовут Вадим Андреевич Фролов. Я буду вести у вас спецкурс «Аномальная психология восприятия» в течение этого семестра. Да-

вайте сразу расставим точки над i.

Он прошёлся вдоль первого ряда, и я заметила, что студенты на первой парте невольно отодвинулись.

— Я не ставлю оценки за красивые глаза. Я не принимаю домашние задания в электронном виде — только бумажные, подписанные и сброшюрованные. Опоздания больше чем на пять минут считаются пропуском. Три пропуска — автоматический недопуск к зачёту. Использование телефонов на паре — удаление из аудитории. Вопросы?

Алина подняла руку.

— Вадим Андреевич, а можно печенье?

Он посмотрел на неё без выражения.

— Печенье — не телефон. Печенье можно.

По аудитории прокатился нервный смешок. Я не смеялась. Я смотрела, как он открывает журнал, как проводит пальцем по списку — медленно, словно выискивая кого-то конкретного.

— Но прежде чем мы начнём, я хочу провести небольшой опрос. — Он поднял голову. — Чтобы понять, с кем я имею дело. Без паники, это не оценивается... пока.

Он замолчал. И посмотрел прямо на меня.

— Денисова Виктория.

Сердце ухнуло в пятки. Я знала, что это случится. Знала с той секунды, как увидела его на пороге. Но всё равно надеялась, что пронесёт. Что он забудет. Что я для него — просто имя в длинном списке.

— Здесь, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он не отводил взгляда. На долю секунды мне показалось, что в его глазах мелькнуло что-то тёплое — любопытство, опасное и завораживающее. Но тут же погасло, сменившись привычным ледяным блеском.

— Ответьте мне на один вопрос, Виктория. — Он закрыл журнал и медленно пошёл в мою сторону. Я слышала каждый его шаг — тяжёлый, давящий, хотя подошвы не должны были стучать по линолеуму. — В прошлый раз вы сказали, что боитесь потерять свободу от чужой воли. Я счёл ваш ответ недостаточно искренним. Сегодня я задам вопрос иначе.

Он остановился напротив моего ряда. Расстояние — ровно три метра, как он и требовал. Словно вымерял.

— Каков ваш самый иррациональный страх?

Я замерла.

Иррациональный страх. Не боязнь пауков, не страх высоты, не боязнь закрытых пространств. Те страхи, у которых нет логики. Те, которые живут глубоко в лимбической системе, в той части мозга, которая помнит пещерных медведей и саблезубых тигров.

— Я... — начала я и запнулась.

Голоса в голове смешались в кашу. Мама говорит: «Бойся только того, что можно потрогать». Алина говорит: «Бойся, что не сдашь сессию». Папа говорит: «Страх — это слабость».

А моё тело говорило другое. Оно боялось темноты. Не той

темноты, когда выключают свет в комнате. А той — когда ты остаёшься один в полной тишине, и тебе кажется, что в углу кто-то есть. Кто-то, кто дышит. Кто-то, кто ждёт.

Но я не могла сказать это при всех. Не могла признаться, что девятнадцатилетняя художница, которая рисует ночных хищников, до сих пор спит с ночником на батарееках.

— Я боюсь... — Я сглотнула. — Я боюсь, что все вокруг меня притворяются. Что никто не говорит правду. Что я живу в спектакле, где все актёры, а я одна не получила сценарий.

Вадим наклонил голову.

— Социофобия. Страх разоблачения. Довольно распространённый иррациональный страх. Но не убедительный. — Он сделал ещё шаг — теперь до меня было два с половиной метра. — Вы опять солгали, Денисова.

По аудитории прошёлся шёпот. Кто-то хихикнул.

— Я не лгала, — выдавила я, чувствуя, как к лицу приливает жар. — Это мой настоящий страх.

— Нет. — Он покачал головой. — Ваш настоящий страх — это потеря контроля. Вы боитесь не темноты, не лжи, не актёров. Вы боитесь, что в какой-то момент ваше тело перестанет вас слушаться. Что оно сделает что-то, чего вы не захотите. Что у вас внутри проснётся зверь, которого вы не сможете приручить. — Его голос упал почти до шёпота, но каждый звук был слышен идеально. — Именно поэтому вы рисуете «ночных хищников». Именно поэтому на вступи-

тельных вы выбрали именно эту тему. Вы боитесь не хищников. Вы боитесь, что вы — один из них.

Я не дышала.

Потому что он попал в точку. В самую глубину, куда я даже себе не позволяла заглядывать.

По ночам, когда общежитие затихало, я иногда просыпалась от того, что мои пальцы скребут стену. Ногти впивались в штукатурку, оставляя белые полосы. Я не помнила, как это делаю. Просто просыпалась и видела следы. А потом долго не могла уснуть, слушая собственное сердце.

Я никому не рассказывала. Даже Алине.

— Я... — попыталась сказать что-то, но голос сел.

Вадим смотрел на меня. В его взгляде не было торжества. Не было злорадства. Было что-то странное — почти сочувствие. Но оно исчезло быстрее, чем я успела его осознать.

— Неуд, — сказал он громко, на всю аудиторию. — Условный. Вы ответили не на тот вопрос, Денисова. Или не захотели отвечать честно. В среду на консультации, с шести до семи вечера, кабинет 403. Придётся нагонять.

Он развернулся и пошёл к доске, не дожидаясь моего ответа.

А я сидела, вцепившись в край скамьи, и чувствовала, как во мне закипает злость. Горячая, красная, пульсирующая в висках.

Как он смеет? Как смеет копаться в моей голове, вытаскивать наружу то, что я сама боюсь признать? И при всём

при этом ставить неуд? За что? За правду? За то, что я не призналась в страхе, о котором он сам догадался?

— Все открыли конспекты, — Вадим уже стоял у доски и писал мелом тему лекции. — «Иррациональные страхи как источник творческой энергии». Записывайте.

Я взяла ручку. Рука дрожала. Но я заставила себя писать, потому что если я сейчас не сосредоточусь, то встану и выскажу ему всё в лицо. При всех. И пусть потом отчисляют.

— Иррациональные страхи отличаются от рациональных тем, что их невозможно устранить логикой, — диктовал Вадим, и его голос звучал ровно, спокойно, как будто минуту назад он не разбирал меня по косточкам. — Вы не можете убедить человека, который боится пауков, что паук не опасен. Его страх живёт в амигдале — миндалевидном теле мозга. Это древняя структура, которая отвечала за выживание ещё у наших предков-млекопитающих. Именно поэтому иррациональные страхи часто связаны с образами хищников, темноты, высоты, падения...

Я писала механически, почти не вникая. В голове крутилось одно: он меня унизил. Специально. При всей группе. Чтобы показать, кто здесь главный. Чтобы я запомнила, что против него у меня нет шансов.

— ...однако для художника эти страхи могут стать не врагами, а союзниками, — продолжал Вадим. — Страх обостряет восприятие. Заставляет замечать детали, которые в спокойном состоянии ускользают. Эдвард Мунк не написал бы

«Крик», если бы не страдал агорафобией и тревожным расстройством. Гойя не создал бы свои «чёрные картины», если бы не боялся безумия.

Он повернулся к аудитории.

— Ваше задание на следующую пару — принести эссе на тему «Мой самый иррациональный страх и как я могу использовать его в творчестве». Объём — не меньше пяти страниц, не больше десяти. Шрифт Times New Roman, 12 кегль, полуторный интервал. Без воды.

Алина толкнула меня локтем.

— Псих, — прошептала она. — Чистый псих.

— Ага, — так же шёпотом ответила я. — Но он прав.

— В чём?

— Насчёт страха.

Алина уставилась на меня с недоумением, но я не стала объяснять.

Оставшиеся полтора часа тянулись как резина. Я почти не слушала — просто смотрела на Вадима. На то, как он двигается. Как поправляет мел. Как на секунду задерживает взгляд на окне, и в этот момент его профиль становится нечеловечески красивым — острым, точеным, как будто вырезанным из кости.

И как иногда, когда он поворачивается к доске спиной, его плечи напрягаются, поднимаются чуть выше обычного, словно он сдерживает себя от того, чтобы не обернуться.

Не обернуться и не посмотреть на меня.

Потому что он смотрел. Я заметила. Не открыто — краем глаза, боковым зрением, теми короткими взглядами, которые обычный человек не уловил бы. Но я ловила. Каждый раз, когда его голова поворачивалась на пару градусов в мою сторону, когда его зрачки смещались к краю глазницы.

Он следил за мной.

Или, может быть, следил за тем, как я реагирую.

Когда прозвенел звонок, я собралась быстрее всех. Сунула планшет в рюкзак, накинула куртку и рванула к выходу, не дожидаясь Алины.

— Денисова! — окликнул меня его голос уже в коридоре.

Я сделала вид, что не слышу. Ускорила шаг. Завернула за угол.

— Виктория.

Он оказался передо мной как из ниоткуда. Просто шагнул из бокового прохода, и вот он уже стоит, преграждая путь. В пустом коридоре, где никого нет, потому что все студенты уже разбежались на перемену.

— Я сказал — в среду в шесть, — произнёс он. Не громко. Но так, что я остановилась как вкопанная.

— Я помню, — ответила я, глядя в пол. Потому что если я посмотрю ему в глаза, то либо ударю, либо расплачусь. Не знаю, что хуже.

— Вы злитесь.

Утверждение. Не вопрос.

— С чего вы взяли?

— Потому что ваши зрачки расширены, дыхание учащено, вы сжимаете лямку рюкзака так, что побелели костяшки, и потому что от вас пахнет адреналином. — Он наклонил голову. — Я ошибся?

— Вы... — я набрала воздуха. — Вы псих. Настоящий. Вы не имеете права копаться в моих страхах перед всей группой. Вы не имеете права ставить мне неуд за то, что я не ответила на вопрос так, как вам хочется. Это произвол. Это... Это...

Я не могла подобрать слово. Ярость душила меня.

— Это правда, — закончил за меня Вадим. — Я спросил про иррациональный страх. Вы ответили социальной фобией. Это рациональный страх — боязнь осуждения толпой. Иррациональный страх не имеет социальной основы. Он идёт из глубины, из тела, из инстинкта. Вы не ответили честно, потому что испугались. Не меня. Себя.

Он сделал шаг ко мне. Один. И расстояние между нами сократилось до одного метра.

— Я не враг вам, Виктория. Я преподаватель. Моя задача — научить вас смотреть правде в глаза. Даже если эта правда — ваши собственные когти, которые скребут стену по ночам. Время остановилось.

Я смотрела на него, широко раскрыв глаза, и чувствовала, как кровь отливает от лица.

Он знал. Откуда? Как? Я никому не рассказывала про когти. Про стены. Про эти белые полосы на штукатурке, которые я потом замазывала зубной пастой.

— Откуда вы... — прошептала я.

Его лицо на секунду потеряло ледяное выражение. Стало почти человеческим — усталым, даже печальным.

— Я много чего знаю, — сказал он тихо. — Приходите в среду. Не опаздывайте.

Он развернулся и ушёл так же бесшумно, как появился. Я осталась стоять в коридоре, прижимая рюкзак к груди, и слушала, как бешено колотится сердце.

Когти. Стены. Он знал про когти.

Что, чёрт возьми, происходит?

До конца пар я не вернулась. Прошла в туалет, умылась ледяной водой, посмотрела на себя в заляпанное зеркало. Бледная, взлохмаченная, глаза красные — я выглядела как персонаж фильма ужасов за пять минут до того, как её убьют.

Вспомнила его слова: «Ваш настоящий страх — это потеря контроля. Вы боитесь, что ваше тело перестанет вас слушаться. Что у вас внутри проснётся зверь».

И эти белые полосы на стене. Которые я оставляла во сне.

Что, если он прав? Что, если я действительно боюсь не темноты, а самой себя? Темнота — это просто повод. Пространство, где никто не видит, что я превращаюсь в... во что?

Я провела ладонью по лицу, ощупывая скулы, зубы, ногти. Всё нормально. Зубы — не длиннее обычного. Ногти — короткие, я их постоянно грызу. Кожа — обычная, без шерсти.

Я человек. Я точно человек.

...правда?

— Вика! — Алина ворвалась в туалет с таким грохотом, что я подпрыгнула. — Ты чего сбежала? Я обыскалась тебя! Этот Фролов что, совсем крышу снес? Как он мог так с тобой? Козёл!

— Алин, — я перебила её. — Ты когда-нибудь просыпалась от того, что твои руки делают что-то без тебя?

Она замерла.

— В каком смысле?

— Ну... например, ты спишь, а твоя рука сама собой царапает стену?

Алина посмотрела на меня как на сумасшедшую.

— Вика, у тебя лунатизм? Это лечится. Есть таблетки.

— Нет у меня лунатизма. Я просто... — я замолчала. Просто он сказал правду. И это пугало больше, чем если бы он ошибался. — Ладно, забей. Идём на следующую пару. Что у нас?

— Композиция. Но ты уверена, что в порядке? Выглядишь дерьмово.

— Я в порядке, — соврала я. — Просто этот Фролов вывел меня из себя.

Алина сжала мою руку.

— Если он ещё раз так сделает, мы напишем жалобу декану. Вместе. Я и Ленка, и Дима. Все видели, как он к тебе прикопался. Это нечестно.

Я покачала головой.

— Не надо жалоб. Я сама разберусь.

— Как?

— Пока не знаю. Но обещаю: он пожалеет.

В моём голосе прозвучало что-то такое, от чего Алина отшатнулась. Не испуганно — скорее удивлённо. Потому что обычно я не говорю так. Обычно я тихая, покладистая, неконфликтная.

Но сегодня Вадим Фролов разбудил во мне нечто, чего я сама в себе не знала.

Злость. Настоящую, дикую, первобытную злость.

И в этой злости было что-то волнующее.

Следующие пары прошли как в тумане. Композиция, где мы рисовали натюрморт из трёх яблок и глиняного кувшина. История искусств, где старый профессор полтора часа с пафосом рассказывал про Тициана. Я кивала, угукала, водила карандашом по бумаге, но мысли были далеко — в кабинете 403, куда я должна прийти в среду в шесть.

Что он там со мной сделает? Будет снова копаться в моих страхах? Заставит признаться в том, чего я сама боюсь? Или... что, если это не консультация? Что, если это ловушка?

Я тряхнула головой. Бред. Он преподаватель. Никаких ловушек. Просто решил меня проучить за то, что я не так ответила. Стандартное унижительное наказание.

Но тогда откуда он знал про стены?

К концу четвёртой пары я была выжата как лимон. Алина

утащила меня в столовую, накормила пирожком с картошкой и заставила выпить чай с тремя ложками сахара.

— У тебя сахар упадёт, — сказала она авторитетно. — Когда человек злится, он тратит много энергии.

— Откуда ты знаешь?

— Из интернета.

Я усмехнулась. Мы сидели у окна, за которым моросил дождь — первый сентябрьский дождь, холодный и противный. Стекло запотело, и я машинально нарисовала на нём пальцем волчью морду. Получилось криво, но узнаваемо.

Алина посмотрела на рисунок, потом на меня.

— Вика, ты чего с этим Фроловым? Поделиться хочешь?

— Нет.

— Врёшь. Мы с тобой два года в одной комнате. Я знаю, когда ты врёшь.

Я откусила пирожок, прожевала, сделала глоток чая. Потом сказала:

— Ты заметила, что он странный?

— Кто? Фролов? Конечно, странный. Он же псих.

— Нет, не в смысле поведения. В смысле... ну, не знаю. Как он смотрит. Как двигается. Как будто он не совсем человек.

Алина подавилась чаем.

— Ты серьёзно? Думаешь, он инопланетянин?

— Не инопланетянин. Но что-то в нём есть. — Я покрутила кружку в руках. — И откуда он знает, что я рисую? Он

сказал про «ночных хищников». Откуда? Он не мог видеть мои вступительные работы, если только не сидел в приёмной комиссии. А он ведь биолог.

— Может, он интересуется искусством. Или ему кто-то рассказал. Или он просто тебя пробил по базе, ты же поступала с этим рисунком, он в твоём личном деле.

— А про стену? — вырвалось у меня.

— Какую стену?

Я замерла. Чуть не проговорилась.

— Не важно. Забудь.

— Вика, ты меня пугаешь. — Алина отодвинула пирожок и взяла меня за руку. — Если этот козёл тебя домогается или угрожает, скажи прямо. Мы пойдём к декану. У моего отца есть знакомый адвокат.

— Нет, не домогается. — Я убрала руку. — Он просто... он чересчур много обо мне знает. Как будто следит.

— Так может, он следит? — Алина понизила голос. — Может, у него на тебя глаз положен? Ты красивая, умная, талантливая. Мужики любят таких.

— Алин, он мой преподаватель. И он терпеть меня не может. Это взаимно.

— Ага, — подруга хитро прищурилась. — «Терпеть не может». Это всегда так начинается.

— Что начинается?

— Любовь.

Я чуть не поперхнулась чаем.

— Какая любовь? Ты с ума сошла? Я его ненавижу. Он унизил меня при всех. Он...

— Он единственный, кто тебя раскусил, — перебила Алина. — И это тебя бесит больше всего. Потому что ты привыкла, что все вокруг тебя не видят. А он увидел. И ты в шоке.

Я открыла рот, чтобы возразить, но не нашла слов. Потому что в её словах была правда. Та самая, которую я не хотела признавать.

Вадим Фролов меня раскусил. Не как студентку — как личность. Он залез в мою голову, вытащил наружу самые тёмные тайны и швырнул их мне в лицо. И я не знала, что с этим делать.

Ненавидеть его было проще всего.

Но ненависть — это тоже страсть. И она жгла меня изнутри, как огонь.

Вечером я сидела в общежитии, уткнувшись в ноутбук. Нужно было писать эссе про иррациональный страх, но слова не складывались. Я смотрела на пустой лист Word и вспоминала его голос: «Вы боитесь, что ваше тело перестанет вас слушаться».

Может, он прав. Может, я действительно боюсь не пауков, не темноты, не лжи. А того, что во мне живёт что-то дикое. Что-то, что просыпается по ночам и скребёт стены.

Я посмотрела на свои руки. Обычные руки. Длинные пальцы, короткие ногти, несколько царапин на тыльной стороне — кошка соседки по комнате иногда играет слишком

грубо. Ничего необычного.

Но если сжать их в кулак, если сильно напрячь... подушечки пальцев становятся твёрдыми. Почти твёрдыми, как будто под кожей есть что-то ещё.

— Глупости, — сказала я вслух и захлопнула ноутбук.

Лучше пойду спать. Завтра новый день. И послезавтра — та самая консультация.

Я посмотрела в окно. Луна висела низко, жёлтая, огромная, похожая на глаз хищника. С её поверхности на меня смотрела тьма.

— Не подходи ко мне, — прошептала я, передразнивая Вадима.

А потом легла и долго не могла уснуть, прислушиваясь к собственному дыханию.

Боялась ли я, что мои руки начнут скрести стену?

Да.

Боялась ли я, что засну и проснусь другой?

Да.

Боялась ли я консультации в среду?

Да.

Но больше всего я боялась, что Алина права. Что ненависть к Вадиму Фролову — это просто маска для того, что я не хочу себе признавать.

Он не просто преподаватель. Он — зеркало, в котором я вижу своё истинное лицо. И мне оно не нравится.

Но и отвести взгляд я не могу.

Глава 2

После той первой пары прошло два дня. Два долгих, серых, промозглых дня, которые я запомнила как череду бессонных ночей и бесконечных попыток написать чёртово эссе про иррациональный страх.

Эссе не писалась.

Я сидела в комнате общежития, уставившись в ноутбук, и чувствовала, как закипает мозг. Пять страниц. Times New Roman, 12 кегль. Полуторный интервал. Тема: «Мой самый иррациональный страх и как я могу использовать его в творчестве».

Я перечитала то, что получилось, и захотелось зарыдать.

«Мой иррациональный страх — это боязнь темноты. Я боюсь темноты, потому что в ней могут быть опасные вещи, которых я не вижу. В творчестве это можно использовать, создавая контрасты света и тени...»

Бред. Скучный, школьный бред. Фролов прочитает это и поставит не просто неуд, а публичную казнь. Снова вытащит меня перед всей группой и скажет: «Денисова, вы опять солгали».

— Алин, — позвала я. — Помоги.

Алина лежала на верхней койке, уткнувшись в телефон. Она листала ленту с таким видом, будто искала там ответы на все вопросы вселенной.

— Чего?

— Как бы ты написала эссе про страх?

— Легко. — Она отложила телефон и свесила голову вниз.

— Я бы написала, что боюсь опозориться перед крутым парнем. И что в творчестве это помогает мне придумывать диалоги, в которых я говорю умные вещи.

Я вздохнула.

— Это не иррациональный страх. Это социальный.

— А какая разница? Страх — он и есть страх.

— Фролов сказал, иррациональный — тот, который нельзя объяснить логикой. Боязнь опозориться — можно: ты боишься, что тебя отвергнут. Это логично.

Алина села на койке, поджав ноги.

— Слушай, а ты не слишком загоняешься? Это же просто эссе. Напиши что-нибудь про пауков. Все боятся пауков.

— Я не боюсь пауков.

— А кого боишься?

Я промолчала. Потому что настоящий ответ был слишком страшным, чтобы произносить его вслух.

Я боялась того, что просыпается во мне по ночам. Руки, которые скребут стену. Зубы, которые на секунду кажутся длиннее. Тени, которые я вижу краем глаза, но когда поворачиваюсь — там никого.

— Давай я тебе кофе сделаю, — предложила Алина, прыгивая с койки. — Ты на взводе.

— Спасибо.

Она ушла на кухню, где уже второй час кипела вечная студенческая жизнь: кто-то жарил яйца, кто-то ругался из-за последнего пакета доширака, кто-то громко слушал музыку без наушников. Я осталась одна в комнате и снова уставилась в ноутбук.

Экран моргнул. В отражении я увидела своё лицо — бледное, с кругами под глазами. За два дня я почти не спала. Каждую ночь одно и то же: я проваливалась в тяжёлый сон, полный теней и рыка, а потом просыпалась от того, что моя рука лежит на стене, пальцы сжаты в кулак.

Сегодня ночью я проснулась от того, что ногти впились в побелку. Под ногтями была белая пыль. Я сидела в темноте, смотрела на свои руки и шептала: «Я человек, я человек, я человек».

Но голос внутри шептал другое: «А если нет?»

— На, — Алина вернулась с дымящейся кружкой. Растворимый кофе, три ложки сахара, капля сливок из того пакетика, что она стащила в столовой. — Пей.

— Спасибо.

Я сделала глоток. Горячо, сладко, безвкусно. Но пальцы согрелись, и это было главным.

— Алин, а ты веришь в... ну, не знаю... в существование всяких странных вещей?оборотней, вампиров?

Алина села на стул напротив и внимательно посмотрела на меня.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты веришь, что они могут быть среди нас?
Она задумалась.

— Если честно, то нет. Но я смотрела документалку про людей с синдромом оборотня. Там чувак верит, что он волк, у него даже зубы стачиваются от того, что он грызёт ветки. Болезнь такая. А почему ты спрашиваешь?

— Просто.

— Просто не бывает. — Алина наклонилась ближе. — Вика, это из-за Фролова? Ты думаешь, он какой-то нелюдь?

Я не ответила.

— Слушай, — продолжала она, — да, он странный. Да, он тебя достал. Да, он выглядит как модель из готического журнала. Но это не значит, что он оборотень. Оборотни, Вика, это сказки. Их нет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что если бы они были, они бы давно уже правили миром. Потому что сильные всегда правят слабыми. А люди до сих пор правят. Значит, никаких оборотней нет.

В её логике было что-то железобетонное. И всё же я не могла отделаться от ощущения, что она ошибается.

— Ладно, — сказала я. — Забей. Просто у меня стресс.

— Иди погуляй, — посоветовала Алина. — Завтра среда, консультация у этого козла. Тебе надо проветрить голову, а не сидеть в четырёх стенах.

Я посмотрела в окно. На улице темнело. Сентябрьские сумерки наступали рано, затягивая небо свинцовой пеленой.

— Пожалуй, ты права. Схожу в библиотеку. Нужно взять литературу по психологии.

— Вот и отлично. И захвати мне что-нибудь вкусное.

— В библиотеке нет вкусного.

— Тогда зайди в магазин по пути.

Я накинула куртку, сунула в карман студенческий и телефон. На прощание Алина чмокнула меня в щёку и сказала:

— Не бойся его, Вика. Он просто мужик с проблемами.

— Ага.

Я вышла в коридор, и дверь за мной закрылась с глухим стуком.

Библиотека университета находилась в старом корпусе, том самом, где я впервые столкнулась с Вадимом год назад. С тех пор я избегала этого крыла, обходила его по дуге, даже если это удлиняло путь на десять минут. Но сегодня выбора не было. Нужная литература по аномальной психологии хранилась именно там, в фонде редких книг, куда без спецразрешения не пускали.

Мне повезло. Библиотекарь — сухая женщина в очках с толстыми линзами — после предъявления студенческого и пары жалоб выдала мне пропуск в спецфонд.

— Только до восьми вечера, — предупредила она, глядя поверх очков. — После восьми спецфонд закрывается, и я за вас не отвечаю.

— Хорошо, спасибо.

Я спустилась на цокольный этаж, где пахло пылью, ста-

рыми страницами и ещё чем-то сладковатым, похожим на сушёные травы. Стеллажи уходили в полумрак, освещённые редкими лампами дневного света, которые моргали и гудели, как больные пчёлы.

Книги на тему иррациональных страхов нашлись быстро. Я набрала стопку: «Психология страха» Кэрролла, «Тёмная сторона сознания» Райт, «Аномалии восприятия в искусстве XX века» Захаровой. Тяжёлые тома, пыльные, с пожелтевшими страницами. Я прижала их к груди и уже собралась уходить, как вдруг вспомнила.

Вадим Фролов — ассистент кафедры биологии. Его кабинет, кажется, находится в этом же корпусе. Алина говорила что-то про лабораторию на втором этаже.

Зачем мне его кабинет? Я не знала. Может, из чистого любопытства. Может, из желания доказать себе, что он обычный человек, который живёт в обычной комнате с обычным хламом. Может, просто потому, что его запрет «не приближаться» действовал на меня как красная тряпка на быка.

Я поднялась на второй этаж. Коридор здесь был ещё темнее, чем на цоколе: часть ламп не работала, и в воздухе висела сырость. На дверях висели таблички: «Кафедра биофизики», «Лаборатория № 3», «Доцент Смородинский».

Кабинет 403. Я помнила номер с той пары, когда он сказал «в среду в шесть на консультацию». Сейчас было половина седьмого вечера вторника, на завтра. Но мне нужно было всего лишь взглянуть. Посмотреть, где он работает. Мо-

жет, за дверью окажется обычная казённая клетушка с компьютером и фикусом.

Дверь кабинета 403 выглядела обычно: коричневая дерматиновая обивка, табличка «Ст. преп. Фролов В.А.», глазок на уровне груди. Ничего подозрительного.

Я прислушалась. Тишина. Ни голосов, ни шагов. Может, его нет.

Я уже повернулась уходить, как вдруг дверь приоткрылась.

— Входите, — сказал голос изнутри. Тот самый — низкий, с хрипотцой. — Я слышал ваши шаги за два пролёта.

Я замерла. Как он мог меня услышать? Я шла тихо. Даже очень тихо. Специально.

— Денисова, я сказал — входите.

Выбора не было. Я толкнула дверь и вошла.

Кабинет оказался не похож ни на одну преподавательскую комнату, которую я видела раньше. Вместо казённой мебели — тёмное дерево, тяжёлые шкафы, битком набитые книгами и папками. Вместо жалюзи — плотные портьеры, почти чёрные, не пропускающие свет. Вместо компьютера — письменный стол из массива, заваленный бумагами, и настольная лампа под зелёным абажуром, которая отбрасывала жёлтый конус на столешницу.

И в центре этого полумрака — Вадим Фролов. Он сидел за столом в расстёгнутой рубашке с закатанными рукавами, без галстука, и что-то писал от руки. Перо? Нет, гелевая ручка.

Но движения были такие плавные, будто он выводил иероглифы.

Он не поднял головы.

— Зачем вы пришли? Консультация завтра.

Голос спокойный, без намёка на удивление. Как будто он ждал меня. Знал, что я приду.

— Я... — Я замялась, прижимая к груди стопку книг. — Я за литературой. Для эссе. Мне посоветовали взять в спецфонде, но там мало материалов. Я подумала, может, у вас есть что-то ещё.

— Подумали.

Он поднял голову. В полумраке его глаза казались почти чёрными, но я помнила, какими они были тогда, год назад, на секунду. Золотыми. Огненными.

— Я помню, вы говорили про иррациональные страхи, — продолжала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — И про связь с творчеством. Вы упомянули Мунка, Гойю. Мне нужно больше примеров. С научной точки зрения.

Вадим отложил ручку и откинулся на спинку стула. Жест был расслабленным, но я видела, как напряглись его плечи — как у зверя, который затаился, но готов к прыжку.

— С научной точки зрения, Денисова, ваше эссе объёмом пять страниц не нуждается в академических ссылках. Это творческое задание. Просто напишите правду.

— Я написала правду. Про темноту.

— Ложь.

— Почему вы так уверены?

Он встал. Медленно, плавно, не сводя с меня глаз. И я поняла, что совершила ошибку. Не надо было приходить. Не надо было вообще знать, где находится его кабинет. Не надо было переступать порог.

— Потому что я чую ложь, — сказал он тихо. — За версту. Она имеет запах. Как кислое молоко. Как будто от вас пахнет страхом и адреналином, когда вы говорите про темноту, но это не тот страх. Тот — другой. Глубинный. Вы его прячете.

Он подошёл ко мне. Расстояние между нами сократилось до двух метров. Его скулы в этом странном свете казались ещё острее, тени под глазами — ещё глубже.

— Вы боитесь, что я раскрою вас, — сказал он. — Что я расскажу всем, кто вы на самом деле. Даже себе вы боитесь признаться.

— Я не знаю, о чём вы, — прошептала я.

— Знаете.

Он протянул руку. Я инстинктивно отшатнулась, но он не коснулся меня. Только взял со стола книгу в тёмном переплёте и протянул мне.

— Вот. Литература. «Трансформации страха в символическом искусстве». Там есть глава про Гойю. Прочитайте. И напишите эссе честно.

Я взяла книгу. Пальцы почти не слушались.

— А теперь уходите, — сказал он, отворачиваясь.

Я повернулась к двери. Уже взялась за ручку, когда он до-

бавил:

— Быстро. Начинает темнеть, и вам не следует быть здесь после заката.

Я обернулась.

— Почему?

Он не ответил. Стоял спиной ко мне, вжав ладони в столешницу. Я видела, как дрожат его пальцы — нет, не дрожат. Сжимаются. С такой силой, что побелели костяшки.

— Уходите, Виктория. Пожалуйста.

Последнее слово прозвучало почти как мольба. Почти как «спасите меня».

Я вышла в коридор и захлопнула дверь.

Я сделала несколько шагов и остановилась, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле. В голове шумело.

Что это было? Он дал мне книгу. Нормальную книгу. И сказал «пожалуйста». Но почему он так резко переменялся? Почему его голос вдруг стал умоляющим? И что значит «начинает темнеть»? Темнеет каждый день. Это не конец света.

Я перевела дыхание и уже пошла к лестнице, как вдруг заметила.

Дверь его кабинета. Косяк. С левой стороны, на уровне примерно метра от пола.

Царапины.

Глубокие, широкие, как будто кто-то с нечеловеческой силой вонзил когти в дерево и провёл вниз, оставив четыре параллельные борозды. Они были старыми — древесина во-

круг потемнела — но от этого не становились менее пугающими.

Четыре полосы. Как будто лапа. Или рука с длинными ногтями.

Я вспомнила свои собственные царапины на стене в общежитии. Тонкие, едва заметные. Но эти... эти были глубокими. Словно их оставил не человек.

— Денисова, — раздалось из-за двери. Его голос был напряжённым, почти рычащим. — Уходите сейчас же.

Я побежала. Не разбирая дороги, несясь по тёмным коридорам, перепрыгивая через ступеньки. Вылетела на улицу, в холодный ветер, и только там, на крыльце, согнулась пополам, пытаясь отдышаться.

Книга в моих руках была ещё тёплой. Я смотрела на тёмный переплёт и не понимала, что чувствую. Страх? Злость? Любопытство?

Или предвкушение?

Дорога до общежития заняла минут пятнадцать обычным шагом, но я шла быстро, почти бежала, то и дело оглядываясь через плечо. Улицы были пустынные. Фонари только начинали зажигаться, отбрасывая длинные жёлтые полосы на мокрый асфальт. После дождя воздух пах грибами и прелыми листьями.

Я заставила себя успокоиться. Ну подумаешь, царапины на косяке. Может, он держит собаку. Или кошку. Или это осталось от прежних жильцов. Ничего сверхъестественного.

Но в глубине души я знала: собаки так не скребут. Собаки оставляют полосы пошире, поцарапаннее. А эти были аккуратными, почти хирургическими. Четыре параллельные линии. Как от когтей.

Я свернула на аллею, ведущую к общежитию. Здесь было ещё темнее — старые липы смыкали кроны над головой, превращая дорогу в тоннель. Я ускорила шаг.

И тогда я это почувствовала.

Взгляд.

Тяжёлый, давящий, как будто кто-то смотрит на меня из темноты. Не просто смотрит — изучает. Оценивает. Я остановилась, медленно обернулась.

Никого.

Только липы, фонари вдалеке и мой собственный страх, который вдруг стал осязаемым, как шерсть на загривке.

— Есть кто? — спросила я в пустоту. Голос прозвучал жалко, по-детски.

Тишина.

Я продолжила идти, но теперь мои шаги стали короче, быстрее. Я слышала своё дыхание. И ещё кое-что. Шаги. Сзади. Чёткие, ритмичные, тяжёлые. Кто-то шёл за мной, сохраняя дистанцию.

Я резко обернулась снова. Никого. Но шаги стихли не сразу — я слышала, как эхо замерло в аллее, как будто тот, кто шёл, тоже остановился.

— Выходи! — крикнула я. — Я знаю, что ты там!

Ни ответа, ни шороха.

Я побежала. Со всех ног, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни, вывернувшиеся из-под асфальта. Книга в руках стала тяжёлой, как кирпич. Сердце колотилось в горле, в висках, в кончиках пальцев.

Впереди показались огни общежития — тусклые, жёлтые, но такие родные. Я вылетела на освещённую площадку перед входом, упала на ступеньки, хватая ртом воздух.

Вахтёрша, тётя Зина, высунулась из окошка:

— Чего раскричалась? Пожар?

— Там... там кто-то был... за мной шёл...

Тётя Зина посмотрела на улицу, потом на меня.

— Никого там нет, дочка. Тебе показалось.

Я обернулась. Аллея была пуста. Только липы шумели на ветру.

Показалось? Нет. Не показалось. Я чувствовала этот взгляд. Я слышала шаги.

В комнате я бросила книги на стол и упала на койку, уставившись в потолок. Алина ещё не вернулась — наверное, зависла в гостях у своего нового увлечения, того самого блондина из параллельного потока.

Я лежала и слушала стук собственного сердца. Постепенно страх уходил, сменяясь злостью. Холодной, тягучей злостью.

Всё началось с него. С Вадима Фролова. С его запретов, его намёков, его странных слов про темноту. А теперь кто-

то следит за мной? Случайность? Не верю.

Я вспомнила его лицо, когда он сказал «уходите, пожалуйста». Вспомнила царапины на косяке. Вспомнила, как он «слышал мои шаги за два пролёта». Как мог обычный человек слышать шаги за два этажа?

Он не обычный. И этот взгляд в темноте... может, это был он? Может, он пошёл за мной, чтобы убедиться, что я добралась? Или чтобы напугать?

Я села на койке. Руки дрожали. Нет, это не контроль. Это преследование.

И я знала, что делать.

Я открыла ноутбук, зашла на сайт университета, нашла раздел «Деканат» и форму обращения. Пальцы бегали по клавишам:

«Уважаемый декан! Обращается к вам студентка 2-го курса Виктория Денисова. Я хочу пожаловаться на преподавателя Вадима Андреевича Фролова. Он ведёт себя неподобающим образом: ставит неуды за честные ответы, требует держаться от него на расстоянии, заявляет, что знает мои личные секреты, и сегодня в вечернее время я чувствовала, что он следит за мной на пути в общежитие. Прошу принять меры...»

Я остановилась. Правильно ли это? Может, это не он следил. Может, я ошибаюсь. Может, у меня паранойя.

Но царапины. Взгляд. Его слова про темноту.

Я нажала «отправить».

Жалоба ушла в деканат. Всё. Теперь или он получит выговор, или меня поднимут на смех.

Алина вернулась через час, когда я уже лежала под одеялом, свернувшись клубком.

— Эй, — позвала она, щёлкая выключателем. — Ты чего в темноте сидишь?

— Голова болит.

— А почему глаза красные? Плакала?

— Нет. Ветер на улице.

Алина не поверила, но не стала допытываться. Она разделась, забралась на свою койку и сказала:

— Завтра консультация у Фролова. Не забудь.

— Не забуду, — буркнула я в подушку.

Я не забуду. Я теперь вообще ничего про него не забуду.

Ночью мне снились волки.

Не такие, как в зоопарке — вялые, грязные, облезлые. Настоящие. С глазами, которые горели золотом в темноте. Они бежали по лесу, и я бежала с ними. Мои руки были лапами, моё лицо было мордой. Я чувствовала запах земли, крови, страха чужой добычи.

Я проснулась от того, что мои ногти впились в подушку. Наволочка была порвана в четырёх местах.

Я сидела в темноте, смотрела на свои руки и плакала. Тихо, чтобы не разбудить Алину.

Я человек, я человек, я человек.

Но голос внутри шептал: «А если нет?»

Утром среда встретила меня серым небом и мелким дождём. Я напилась кофе, съела бутерброд с сыром (сыр был с плесенью, но я срезала плесень), и пошла на пары. Утром у нас были «История дизайна» и «Академический рисунок». Я сидела на задней парте, делала вид, что слушаю, а сама думала о том, что вечером увижу его.

Консультация в шесть. Я должна принести эссе. Должна ответить на его вопросы. Должна стоять в трёх метрах и не подходить ближе.

И я не должна бояться.

После пар Алина утатила меня в столовую, накормила макаронами с сосиской (настоящей сосиской, не соевой — чудо!), и мы расстались до вечера.

— Удачи, — сказала она, обнимая. — Если что, звони.

— Не буду я звонить. Всё будет нормально.

— Ага. Нормально у тебя с ним никогда не бывает.

Я улыбнулась. Удивительно, но улыбка получилась почти настоящей.

В пять сорок я уже стояла у двери кабинета 403. Книга, взятая вчера, лежала в рюкзаке, эссе — распечатанное, сброшюрованное, с подписью — в папке. Я выдохнула, постучала.

— Войдите.

Я вошла.

Кабинет выглядел иначе, чем вчера. Шторы были задёрнуты плотнее, лампа горела ярче, на столе стояла чашка с

чаем — пар ещё поднимался. Вадим сидел в кресле, но сегодня он был одет по-другому: тёмный свитер с высоким воротом, чёрные джинсы, волосы зачёсаны назад. Он выглядел... нормально. Почти по-человечески.

— Садитесь, — он кивнул на стул напротив стола.

Я села. Расстояние — метр. Не три.

Он заметил.

— Я просил держаться на расстоянии.

— Я помню. Но вам не кажется, что это странное требование? — Я положила папку с эссе на край стола. — Мы же не в карантине.

Он не улыбнулся.

— Прочитайте, что написали.

Я вытащила эссе и протянула ему. Он взял, начал читать. Я следила за его лицом. Никакой эмоции. Никакого намёка на то, о чём он думает.

Через пять минут он положил листы на стол.

— Это плохо.

— Что именно?

— Всё. Темнота? Серьёзно? Вы боитесь темноты? Вы, которая спит с ночником, потому что боитесь увидеть свои собственные руки? — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Перепишите. И принесите в пятницу. Это не обсуждается.

Внутри меня всё закипело.

— Вы даже не дали мне шанса. Вы прочитали и сказали «плохо». Почему? Потому что я не написала про то, что вы

хотите? Но это моё эссе! Мои страхи! Вы не можете указывать мне, чего бояться!

— Могу, — спокойно ответил он. — Потому что я вижу вас насквозь. Вы боитесь не темноты. Вы боитесь себя. Напишите об этом. И получите зачёт.

Я встала.

— Знаете что, Вадим Андреевич? Я вчера написала жалобу декану на ваше преследование.

Он замер. На секунду его лицо потеряло ледяное выражение, стало почти испуганным.

— Какое преследование?

— Вчера, когда я уходила, вы пошли за мной. Я чувствовала ваш взгляд. Я слышала ваши шаги. Вы следили за мной.

Он медленно встал из-за стола.

— Денисова, я не следил за вами. Я остался в кабинете.

— Врёте.

— Не вру. — В его голосе появились металлические нотки. — Я сказал вам уйти, потому что... — он запнулся. — Потому что темнеет. И по ночам в городе опасно. Особенно для таких, как вы.

— Что значит «для таких, как я»?

Он подошёл ко мне. Расстояние — полметра. Я видела, как под его свитером ходит кадык, как напряжены желваки.

— Вы не знаете, кто вы. Но другие знают. Другие чувствуют. Ваш запах, ваша энергия. Вас ищут.

— Кто ищет?

Он молчал. Его глаза... Мне показалось, или они снова стали золотыми? Лампа мигнула.

— Уходите, — сказал он глухо. — Пожалуйста. Я не просил вас приходить. Я не просил вас знать. Просто уходите и забудьте меня.

— Не могу, — вырвалось у меня. — Я не могу вас забыть. Вы влезли мне в голову, вы заставляете меня видеть то, чего я не хочу видеть. Вы... вы...

Он схватил меня за плечи. Не грубо, но крепко. Я почувствовала жар его ладоней даже через толстовку.

— Слушай меня, — прошептал он, почти касаясь губами моего уха. — Ты в опасности. Не из-за меня. Из-за себя. Твоя природа просыпается, и другие это чувствуют. Если ты не научишься контролировать себя, тебя сожрут. Я не следил за тобой вчера. Но кто-то следил. И этот кто-то — не человек.

Он отпустил меня и отступил к окну.

— А теперь уходи. И не приходи больше. Я переведу тебя к другому преподавателю.

Я стояла, оглушённая. Моя природа? Не человек? Другие?

— Кто вы? — спросила я шёпотом.

Он не обернулся.

— Тот, кто должен был тебя уничтожить, но не смог.

Я выбежала из кабинета, не помня себя.

В коридоре я остановилась, сжимая папку с эссе. Листы выпали и разлетелись по полу. Я собирала их дрожащими

руками и вдруг заметила.

На косяке, там же, где вчера, — четыре глубокие царапины.

Но сегодня их было шесть.

Кто-то добавил ещё две. Или что-то.

Я поднялась, сунула листы в рюкзак и пошла к выходу. Мои ноги несли меня автоматически. Голова была пуста.

Только одна мысль билась, как птица в клетке:

«Он не человек. И я — не человек. И кто-то идёт за мной по пятам».

У выхода из университета меня кто-то окликнул.

— Девушка!

Я обернулась. Молодой мужчина, лет двадцати пяти, в чёрной куртке и джинсах, с коротким ёжиком тёмных волос. Обычное лицо, ничего примечательного. Но глаза... серые, почти бесцветные, смотрели слишком пристально.

— Вы Виктория Денисова?

— Да, — ответила я на автомате.

— Я от деканата. Вашу жалобу рассмотрят, но вам нужно дать показания. У вас есть время сейчас?

Я колебалась. Что-то в нём было неправильным. Слишком ровный голос, слишком прямая спина. Как у военного.

— Я могу подойти завтра.

— Лучше сейчас. Это не займёт много времени.

Он шагнул ко мне. И в этот момент я почувствовала запах. Тот же самый запах, что год назад в коридоре, когда Вадим

схватил меня за руку. Мокрой шерсти, земли после дождя, озона перед грозой.

Я отшатнулась.

— Нет, — сказала я. — Не сейчас.

— Виктория, — его голос стал ниже, почти рычащим. —

Я настаиваю.

Он сделал ещё шаг. Я — назад.

И вдруг из дверей университета вылетел Вадим. Он двигался нечеловечески быстро — секунду назад был в здании, а в следующую уже стоял между мной и незнакомцем.

— Отойди от неё, — прорычал он. Я впервые слышала в его голосе такой звук — нечеловеческий, низкочастотный, от которого закладывало уши.

Незнакомец оскалился. И я увидела его клыки. Длинные, острые, волчьи.

— Не лезь, Фролов. Она не твоя.

— Она под моей защитой.

— Скоро нет.

Они смотрели друг на друга, и воздух между ними, казалось, искрил. Я стояла, прижав спину к стене, не в силах двинуться.

Потом незнакомец развернулся и ушёл. Быстро, беззвучно, растворился в сумерках.

Вадим повернулся ко мне. Его глаза горели золотом. Настоящим, живым золотом.

— Виктория, — сказал он, и его голос дрожал. — Теперь

ты знаешь. Ты не ошиблась. Я — оборотень. И тот тип — тоже. Он будет охотиться на тебя. И я не смогу тебя защитить, если ты не будешь слушаться.

Он протянул руку.

— Пойдём. Я провожу тебя до общежития. И по дороге расскажу всё, что знаю.

Я смотрела на его ладонь. На пальцы, которые год назад сжали моё запястье и заставили мир потемнеть. На шрамы на костяшках — старые, белые, похожие на следы от когтей.

И я взяла его за руку.

Потому что страх перед ним вдруг стал меньше, чем страх перед тем, что я не узнаю правду.

Глава 3

Утро четверга я встретила с твёрдым намерением переписать эссе так, чтобы Вадим Фролов подавился своей придиристичностью.

Я сидела за столом в пустой комнате (Алина ушла на завтрак раньше), смотрела на чистый лист в Word и чувствовала, как внутри разрастается глухая, безысходная злость. Вчерашние события никак не укладывались в голове: оборотни, золотые глаза, рык, преследование, рука Вадима, которая сжимала моё плечо, и его шёпот: «Ты в опасности».

Я почти не спала. Опять эти сны — бег по лесу, запах крови, луна сквозь ветки. А под утро — уже привычное: просыпаюсь от того, что ногти впиваются в подушку. Сегодня порвала простыню. Алина не заметила, но я видела: четыре дыры там, где лежала моя рука.

Я человек. Я человек. Я человек.

Нет. Уже нет.

Вадим сказал: «Твоя природа просыпается». И тот другой, с волчьими клыками, сказал: «Она не твоя». Значит, я — не просто человек. Я — что-то, на что охотятся. Что-то, что пахнет.

Но что?

Я встряхнула головой. Сначала эссе. Сначала доказать этому заносчивому козлу, что я могу написать честно. Даже

если честность означает признание в том, что я боюсь собственных рук по ночам.

Я начала печатать:

«Мой самый иррациональный страх — это страх перед тем, что я перестану быть собой. Не в метафорическом смысле, а в прямом. Я боюсь, что однажды проснусь и обнаружу, что моё тело живёт своей жизнью. Что мои руки царапают стены без моего ведома. Что мои зубы становятся длиннее. Что я...»

Я стёрла последнюю фразу. Нет. Слишком откровенно. Он же подумает, что я сумасшедшая. Или, что хуже, поймёт, что я начала догадываться.

«...что я превращаюсь в кого-то другого.»

Оставила так.

Дальше пошли примеры из искусства — я нарыла в книге, которую он дал, про Гойю и его «чёрные картины». Гойя боялся безумия и рисовал свои страхи. Сатурн, пожирающий сына. Собака, наполовину утонувшая в зыбучих песках. Иррациональные образы, рождённые из глубинного ужаса.

Я написала про то, что страх может быть ресурсом. Что он обостряет чувства, заставляет видеть мир иначе. Что, возможно, именно мои ночные кошмары помогают мне рисовать так, как я рисую — остро, нервно, с кровью и шерстью.

Закончила в десять утра. Распечатала, сброшюровала, подписала. Получилось ровно шесть страниц. Полуторный интервал, Times New Roman, 12 кегль.

Я перечитала. Внутри всё сжалось. Слишком лично. Слишком страшно. Если он прочитает это и поймёт, насколько я близка к истине...

Но выбора нет. Он требует правды. Получит правду.

Консультация была назначена на шесть вечера. До этого нужно было пережить пары. Утром — композиция, где мы рисовали драпировки. Я автоматически водила углём по бумаге, но мысли были далеко. После обеда — история искусств, профессор Кравчук полтора часа бубнил про барокко, а я кивала, не слыша ни слова.

Алина вертелась рядом, пыталась меня разговорить, но я отмахивалась. Сказала, что голова болит. Она не поверила, но не приставала.

После четвёртой пары мы сидели в коридоре на подоконнике. Алина грызла печенье, я сжимала папку с эссе.

— Ты сегодня сама не своя, — сказала Алина, жуя. — Поделишься?

— Нечем.

— Врёшь. Ты с Фроловым вчера после консультации встречалась? Я видела, как ты выходила от него. У тебя лицо было белое как мел.

— Встречалась. Он заставил переписать эссе.

— И ты переписала?

— Переписала. Сейчас понесу.

Алина покачала головой.

— Вика, слушай... может, ну его? Попроси другого пре-

подавателя. Этот козёл тебя просто изводит. Ты вон за две недели на себя не похожа стала. Глаза красные, спина сутулая, даже волосы тусклые.

— Я в порядке.

— Не в порядке. Ты в дерьме. — Она взяла меня за руку.

— Но если уж решила идти, иди. Я буду ждать здесь. Если через час не выйдешь — пойду выбивать дверь.

Я улыбнулась. Слабо, но искренне.

— Спасибо, Алин.

— Не за что. Теперь иди.

Кабинет 403 встретил меня тем же полумраком и запахом старых книг. Сегодня здесь было тихо — ни скрипа пера, ни шороха бумаг. Вадим сидел за столом, сложив руки перед собой, и смотрел в одну точку. Когда я вошла, он поднял голову. Взгляд — усталый, с тенью под глазами, словно он тоже не спал.

— Пришли, — сказал он без интонации.

— Принесла новое эссе.

Я положила папку на край стола. Он взял, начал читать. Я стояла, вцепившись в лямку рюкзака, и считала удары сердца.

Он читал долго. Перечитывал какие-то абзацы по два раза, иногда хмурился, иногда — мне показалось? — его лицо смягчалось. Потом он отложил эссе и посмотрел на меня.

— Это лучше, чем прошлый раз.

Я выдохнула. С облегчением? Слишком рано.

— Но всё ещё не то.

— Что значит «не то»? — вырвалось у меня. — Я написала правду. Я боюсь, что перестаю быть собой. Что мой живёт своей жизнью. Что я царапаю стены.

Вадим поднял бровь.

— Царапаете стены?

Я поняла, что проговорила. Слишком много информации.

— Это метафора, — быстро сказала я.

— Не метафора. — Он встал. — Вы говорите буквально. Вы просыпаетесь и видите следы на стене. Ваши собственные следы.

Я молчала. Он подошёл ближе.

— Виктория, я не враг вам. Я прошу вас написать эссе не для того, чтобы поиздеваться. Я хочу, чтобы вы приняли себя. Пока вы отрицаете то, что происходит, вы остаётесь уязвимой.

— Что происходит? — Я повысила голос. — Объясните мне! Что со мной происходит? Почему я царапаю стены? Почему вы говорите, что не человек? Почему тот тип сказал, что я не ваша? Я имею право знать!

Он остановился в метре от меня.

— Имеете. Но не сейчас. — Его голос стал мягче. — Сначала вы примете свой страх. Напишите эссе так, чтобы я поверил, что вы его приняли. Тогда я скажу больше.

— А если я не приму?

— Тогда вам будет хуже. — Он вернулся к столу, взял моё эссе и положил обратно в папку. — Перепишите. Ещё раз. Правдивее. И принесите в пятницу.

— В пятницу? — Я схватила папку. — Сегодня четверг. У меня есть только завтра.

— Значит, будете писать ночью.

Я развернулась и вышла, хлопнув дверью. Злость душила меня. Почему он не может просто сказать? Почему эти игры, эти тесты? Что он от меня скрывает?

В коридоре меня ждала Алина. Увидела моё лицо и всё поняла.

— Опять не принял?

— Опять. — Я швырнула папку в рюкзак. — Сказал, что неправдиво.

— Да что он понимает в правде? — возмутилась Алина. — Ты же ему душу выложила!

— Не всю, похоже.

Мы пошли к выходу. На лестнице нас догнала Лена Королькова, та самая отличница с бантиком.

— Вика, постой! — Она запыхалась. — Я слышала про твоё эссе. Фролов тебя задолбал?

— Немного, — призналась я.

— Он вообще козёл, — вмешался Дима Шац, который тоже оказался рядом. — Меня на прошлой неделе заставил три раза курсовую переписывать. Сказал, что «не чувствует искренности». Какую ещё искренность? Это курсовая по био-

логии, блин!

— А меня на первом занятии спросил, боюсь ли я собственной смерти, — добавила Лена. — Я сказала, что нет. Он поставил неуд и сказал, что я вру.

Мы обменялись взглядами. Получается, он ко всем придирается? Или только к тем, кто что-то скрывает?

— Но тебя он особенно выделяет, — заметила Алина. — Ты одна ходишь на консультации каждый день.

— Потому что я одна не могу написать эту чёртову правду, — пробормотала я.

— Или потому что ты ему нравишься, — вставил Дима, и Лена хихикнула.

Я остановилась.

— Что?

— Ну, — Дима пожал плечами, — он на тебя смотрит постоянно. На парах. И голос у него меняется, когда он к тебе обращается. Становится... ну, мягче, что ли.

— Он на меня рычит, а не мягко смотрит, — отрезала я. — Просто я ему не нравлюсь. Ни как студентка, ни как человек.

— Бывает, — философски заметила Лена. — Но знаешь, что я думаю? Он тебя боится.

Я замерла.

— Боится?

— Ага. Ты для него какая-то угроза. Иначе зачем так старательно отгонять?

Я не нашлась, что ответить. Лена пожала плечами и пошла дальше, увлекая за собой Диму. Алина осталась со мной.

— Слушай, — сказала она тихо. — А если они правы? Если он тебя не гнобит, а... не знаю... проверяет?

— Проверяет на что?

— На прочность. Может, он знает про тебя что-то, чего ты сама не знаешь.

Я посмотрела на неё. Алина — моя лучшая подруга, но я не могла рассказать ей правду.оборотни, золотые глаза, ночные царапины. Она подумает, что у меня крыша поехала.

— Может быть, — сказала я уклончиво. — Но я собираюсь выяснить, что именно.

— Как?

— Пока не знаю. Но выясню.

Вечером я сидела в комнате и смотрела в потолок. Эссе лежало на столе — то самое, которое он забраковал. Я перечитала его снова. Может, он прав? Может, я всё ещё вру? Но что ещё я могу сказать? Что по ночам мне снятся волчьи стаи и я бегу с ними наравне? Что я чувствую запах крови за версту? Что мой нюх обострился до такой степени, что я различаю, какой шампунь использовала Алина, даже не глядя? (Апельсиновый, с нотами имбиря.)

Я закрыла глаза. Нет. Не буду писать заново. Не буду унижаться.

Но тогда он не допустит меня к зачёту. Я завалю спецкурс. Потеряю стипендию.

Алина зашла в комнату, молча положила мне на колени кружку горячего чая и села рядом.

— Не парься, — сказала она. — Напишешь. Ты умная.

— Дело не в уме. Он хочет, чтобы я призналась в том, во что сама не верю.

— Признайся. Плевать на правду. Скажи ему то, что он хочет услышать, и получи зачёт.

Легко сказать. Но что именно он хочет услышать? Что я оборотень? Что я превращаюсь в зверя по ночам?

Я не могла это написать. Потому что это было бы признанием. А признание означало бы, что я больше не человек. А если не человек, то кто?

Я отставила чай и взяла ноутбук. Написала новую версию. Теперь откровенную до жестокости:

«Я боюсь, что я — чудовище. Не в переносном смысле. Я боюсь, что моя кровь — не совсем человеческая, мои кости — не такие, мои зубы — слишком острые. Я боюсь, что однажды я проснусь и увижу в зеркале не себя, а зверя. И самое страшное — я боюсь, что мне это понравится.»

Распечатала. Подписала. Сложила в папку.

Алина, которая заглянула через плечо, присвистнула.

— Жёстко.

— Пусть подавится, — ответила я.

Пятница наступила быстрее, чем я ожидала. Я пришла к кабинету 403 в шесть вечера, сжимая папку так, что побелели костяшки. Постучала. Тишина. Постучала ещё раз.

За дверью послышалось движение. Шаги — тяжёлые, неторопливые. Дверь открылась.

Вадим был без рубашки. В одних джинсах, босиком, волосы растрёпаны. Я замерла, уставившись на его торс. Не потому, что он был красив (хотя да, мышцы, рельеф, татуировка на левом плече — что-то вроде руны). А потому, что на его груди и руках я увидела шрамы. Множество шрамов. Старые — белые, тонкие, как от когтей. И свежие — розовые, ещё не зажившие.

Он перехватил мой взгляд и быстро натянул рубашку, висевшую на спинке стула.

— Извините, не ждал гостей.

— Вы... — Я сглотнула. — Вы в порядке?

— В порядке. Эссе принесли?

Я протянула папку. Он взял, прочитал название, потом открыл и начал читать прямо на пороге. Я стояла, ждала.

Через минуту он поднял голову. Его глаза были серьёзными, почти печальными.

— Это честно.

Я выдохнула. Наконец-то.

— Но всё равно не зачёт.

— Что?! — Я не поверила своим ушам. — Почему?

— Потому что вы написали это не для себя. Вы написали, чтобы угодить мне. Чувствуется. — Он вернул мне папку. — Вас не волнует, превратитесь вы в зверя или нет. Вас волнует моя оценка. А это неправильно.

Я стояла, не в силах вымолвить ни слова. Он посмотрел на меня и добавил тише:

— Я не хочу, чтобы вы писали для меня. Я хочу, чтобы вы писали для себя. Поймите: это эссе — не проверка. Это терапия. Вы должны осознать свой страх, назвать его по имени, подружиться с ним. Пока вы не сделаете этого, вы останетесь уязвимой.

— Для чего уязвимой? — прошептала я.

— Для тех, кто хочет вам навредить.

Он закрыл дверь. Я осталась в коридоре одна, с папкой в руках, на которой значилось: «Не зачтено».

Трижды. Трижды я переписывала это чёртово эссе. И каждый раз он находил изъян. Не в тексте — во мне.

Одногруппники шептались. Я слышала их краем уха: «Фролов её гнобит», «Никого так не гнобил», «Может, у неё с ним что-то было?». Алина отбрасывала сплетников, но я знала: она и сама удивлена.

Почему он ко мне так придирается? Неужели я настолько безнадёжна?

Или наоборот — настолько важна, что он не может позволить мне ошибиться?

В голову закралась мысль. Дикая, безумная, но чем больше я о ней думала, тем реальнее она становилась.

Если он скрывает что-то — про себя, про меня, про этот город, — то ответы спрятаны где-то в университете. В его кабинете. Или в закрытом крыле, где расположены препода-

вательские апартаменты. Ходят слухи, что некоторые преподаватели живут прямо в университете, в отдельном блоке на четвёртом этаже старого корпуса.

Вот куда нужно проникнуть. Ночью. Когда все спят.

Идея казалась идиотской. Опасной. Незаконной. Но чем больше я убеждала себя не делать этого, тем сильнее хотелось пойти.

Алина легла спать в одиннадцать. Я ждала до часа ночи, пока она не засопела ровно. Потом тихо оделась: чёрные джинсы, чёрная толстовка, кеды на мягкой подошве, чтобы не топать. Взяла фонарик на телефоне, ключи от комнаты и студенческий (на случай, если придётся объяснять, почему я шляюсь по университету ночью).

Из общежития я выскользнула через чёрный ход, который закрывался изнутри, но можно было подпереть кирпичом. Снаружи — холодная сентябрьская ночь, луна в облаках, ветер срывает последние листья. Я поёжилась и пошла к университету.

Территория университета была огорожена, но я знала проход через дыру в заборе у спортплощадки — там всегда можно было пролезть. Главное — не попасться охране. Охрана у нас была символическая: дядька лет шестидесяти, который спал на стуле в холле.

В половине второго я была у старого корпуса. Входная дверь оказалась закрыта, но я заметила, что одно окно на первом этаже не защелкнуто — видимо, кто-то проветривал

и забыл. Я подтянулась, залезла на подоконник, просунулась внутрь. Приземлилась на пол в какой-то подсобке, пахнувшей хлоркой и старыми тряпками.

Сердце колотилось как бешеное. Я постояла минуту, прислушиваясь. Тишина. Только гудит холодильник в столовой этажом ниже.

Я вышла в коридор. Тусклое аварийное освещение — лампы под потолком горели вполнакала, отбрасывая длинные тени. Я знала, что преподавательские апартаменты находятся на четвёртом этаже в западном крыле. Никогда там не была, но слышала от Алины, которая слышала от старшекурсников.

Лестница скрипела под ногами. Каждый шаг казался мне оглушительным. Я шла медленно, стараясь ступать на край ступеньки, где скрип был меньше.

Второй этаж. Третий.

На третьем я заметила, что одна дверь приоткрыта. Изнутри — темнота. Я заглянула. Лаборатория? Кабинет? Не важно. Прошла мимо.

Четвёртый этаж. Здесь воздух был другим — более сухим, пахло деревом и чем-то ещё, неуловимым. Как запах Вадима. Тот самый — мокрой шерсти, озона, леса.

Я пошла по коридору. Слева — двери с табличками: «Апартаменты № 1», «Апартаменты № 2», «Апартаменты № 3». Под табличками — кнопки звонков. Значит, здесь действительно живут.

Я остановилась у апартаментов № 2. Потому что на табличке было написано: «Фролов В.А.».

Его дверь.

Я приложила ухо к холодному дереву. Тишина. Слишком тихо. И вдруг — звук. Глухой, низкий, вибрирующий. Сначала я подумала, что показалось. Но звук повторился — гор-
танный, хриплый, похожий на...

Рык.

Именно рык. Не собачий лай, не кошачье мяуканье. Рык крупного хищника. Волка.

Я отшатнулась от двери. Сердце ухнуло в пятки. Что там, внутри? Он держит волка в квартире? Или... или он сам...

Рык повторился — громче, протяжнее. А затем раздался удар — словно что-то тяжёлое ударилось о стену. Звук был настолько сильным, что дверь задрожала.

Я не стала ждать больше. Развернулась и побежала. Бежала по коридору, по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, не разбирая дороги. Споткнулась на втором этаже, упала, больно ударив колено, вскочила и побежала дальше. Вылетела через то же окно, не чувствуя холода, не чувствуя боли.

Выбежала на улицу, за забор, до общежития — только ветер свистел в ушах.

В комнату влетела, захлопнула дверь, прижалась спиной к стене и сползла на пол.

Алина не проснулась — только перевернулась на другой бок.

Я сидела в темноте, трясаясь крупной дрожью, и повторяла про себя: «Это был не он, не он, не он». Но где-то в глубине души я знала: это был он. Вадим Фролов рычал там, в своих апартаментах. Не от боли — от ярости. От чего-то, что он не мог контролировать.

Или не хотел.

Спать я не легла. Просидела на полу до утра, обхватив колени руками, и слушала, как стучит сердце. Под утро я всё же провалилась в забытё, но сны были чёрными, без образов — только рык и страх.

В субботу пар не было. Слава богу. Я отлеживалась в комнате, сказала Алине, что заболела. Она принесла мне чай, сухарики и градусник (температуры не было). Я сделала вид, что сплю, а сама прокручивала в голове ночное происшествие.

Что я видела? Ничего. Только дверь. Только табличку с его фамилией. Только слышала рык.

Этого достаточно, чтобы понять: он не человек. Не совсем. А может, и совсем не человек.

Но почему он тогда работает в университете? Почему скрывается? И что ему нужно от меня?

Вопросов было больше, чем ответов. Я решила, что в понедельник поговорю с ним. Открыто. Прямо. Потребую объяснений.

В воскресенье я написала четвёртую версию эссе. Даже не эссе — манифест. Я написала всё. Про ночные царапи-

ны, про сны, про запахи, про страх превратиться в зверя. Я не упомянула обратной напрямую, но подтекст был прозрачен.

Распечатала, подписала, положила в папку. Завтра понедельник. Утром — его пара. Вручу эссе после занятия.

И пусть он попробует сказать, что это нечестно.

Понедельник. Аудитория 317.

Я сидела на среднем ряду, сжимая папку, и ждала. Вадим вошёл ровно по звонку. Сегодня он был в чёрной рубашке, при галстуке, волосы зачёсаны назад. Выглядел безупречно. Ни следа того ночного зверя, что рычал за дверью.

— Здравствуйте, — сказал он, обводя взглядом аудиторию. — На прошлой неделе я задал вам написать эссе на тему иррациональных страхов. Большинство сдало. Денисова, почему у меня нет вашей работы?

Я встала.

— Она у меня с собой. Я хотела сдать лично.

— Подойдите.

Я подошла к столу, протянула папку. Он взял, но не открыл. Вместо этого он посмотрел на меня в упор. В его глазах я прочитала не холод, а... знание. Он знал, что я была там. В пятницу. У его двери.

— Присядьте после пары, — сказал он тихо, чтобы никто

не слышал. — Поговорим.

Я кивнула и вернулась на место.

Всю пару он читал лекцию про фобии, приводил примеры, показывал слайды. Я почти не слушала. Я думала о том, что он скажет. Признается ли? Или будет отрицать?

После звонка студенты потянулись к выходу. Алина задержалась, вопросительно глядя на меня.

— Иди, — сказала я. — Он хочет поговорить.

— Осторожнее, — прошептала она и вышла.

Мы остались вдвоём.

Вадим закрыл дверь. Подошёл к окну, повернулся ко мне спиной.

— Ты была там, — сказал он не вопросом. — В пятницу ночью. У моей двери.

Я молчала. Отрицать бессмысленно.

— Зачем? — спросил он, не оборачиваясь.

— Хотела узнать правду.

— И что ты узнала?

— Что ты рычишь по ночам.

Он резко обернулся. В его глазах вспыхнуло золото — всего на секунду, но я успела заметить.

— Ты не должна была этого слышать.

— Но я слышала. И теперь хочу объяснений. Кто ты? Что со мной происходит? Почему тот человек сказал, что я не твоя?

Он подошёл ближе. Остановился в метре.

— Твоё эссе. — Он взял папку. — Что ты там написала?
— Правду. Всю.

Он открыл, начал читать. Я следила за его лицом. Он читал быстро, но внимательно — его зрачки бегали по строчкам, иногда останавливались, перечитывали.

Через пять минут он закрыл папку и положил на стол.

— Это зачёт, — сказал он тихо. — Лучшее эссе, которое я видел.

— Зачёт? — Я не поверила. — После всего? Ты принимаешь его только сейчас?

— Я принимаю его, потому что ты наконец перестала врать. Себе в первую очередь.

Он посмотрел мне в глаза. В его взгляде не было прежнего холода. Было что-то другое — тепло, почти нежность.

— Виктория, — сказал он. — Я знаю, что ты была там. И я прошу тебя: не делай этого больше. Не подходи к моей двери ночью. Не ищи меня в темноте. Там происходит то, что ты не должна видеть. Ради твоей же безопасности.

— Но я хочу знать! — вырвалось у меня.

— Знание опасно. — Он сделал шаг назад. — Поверь мне, чем меньше ты знаешь, тем дольше проживёшь.

— Это угроза?

— Это предупреждение. — Он взял со стола ключи. — Эссе я зачту. На следующей паре объявлю. А теперь иди. Я не двинулась с места.

— Ты не ответил. Кто ты?

Он вздохнул. Подошёл к двери, открыл её.

— Ты уже знаешь ответ. Просто боишься произнести его вслух.

Я вышла в коридор. Дверь за мной закрылась.

Я стояла, глядя на царапины на косяке (всё те же шесть глубоких борозд), и понимала: он прав. Я знаю. Я знала с первого дня, когда увидела золотые глаза. Я знала, когда почувствовала запах мокрой шерсти. Я знала, когда услышала рык за дверью.

Вадим Фролов — оборотень.

А я... что я?

И почему мне не страшно? Почему вместо страха внутри разгорается странное, пугающее волнение?

Я пошла к выходу, и на лестнице меня догнал голос из прошлого. Обернулась. Тот самый незнакомец в чёрной куртке стоял у окна на втором этаже и улыбался. Его улыбка была волчьей — слишком широкой, слишком острозубой.

— Он не расскажет тебе правду, — сказал он. — А я расскажу. Приходи сегодня в парк в восемь вечера. Одна.

— Не приду, — ответила я, хотя сердце ухнуло.

— Придёшь. — Он развернулся и ушёл, оставив после себя запах леса и крови.

Я стояла на лестнице, сжимая папку с эссе, и понимала: у меня нет выбора. Если я хочу знать правду, придётся рискнуть.

Даже если этот риск стоит мне жизни.

Глава 4

В парк я всё-таки пошла.

Не потому, что была смелой. Скорее потому, что устала бояться. Устала жить в темноте, не зная, какая тень за мной следует и чьи клыки скалятся из угла. Если этот незнакомец — а он представился как Руслан, когда я переспросила — знает правду, то я хочу её услышать. Даже если эта правда будет стоять мне спокойствия.

Встреча была назначена на восемь вечера в городском парке, у старого фонтана. Место малолюдное даже днём, а вечером — тем более. Я пришла без четверти восемь, надела капюшон и спрятала руки в карманы куртки. Осенний ветер гнал по аллеям опавшие листья, фонари горели тускло, и тени от деревьев казались пальцами, тянущимися к небу.

Руслан ждал меня у фонтана. Он стоял, прислонившись к ограде, и курил. Сигаретный дым поднимался вверх и растворялся в сумерках. Увидев меня, он улыбнулся той же волчьей улыбкой — слишком широкой, слишком уверенной.

— Пришла. Я знал, что придёшь.

— Откуда? — спросила я, останавливаясь в трёх метрах.

— Оттуда же, откуда знаю, кто ты. — Он потушил сигарету о перила и спрятал окурочек в карман. — Не бойся, я не причиню тебе вреда. По крайней мере, сегодня.

— Утешил.

— Я хочу помочь. — Он сделал шаг ко мне, я — назад.
— Виктория, ты не знаешь, кто ты. Фролов скрывает от тебя правду, потому что она ему невыгодна. А мне выгодно. Поэтому я расскажу.

— Рассказывай.

— Ты — перевёртыш. Не оборотень, как мы. Перевёртыш. Это редкая мутация. Твоя природа спит до определённого момента, а потом просыпается. Когда она проснётся, ты сможешь менять облик, как я. Но есть одно отличие. — Он сделал паузу. — Перевёртыши невероятно сильны. Сильнее обычных оборотней. И поэтому на них охотятся. Твой запах для нас — как наркотик. Кто контролирует перевёртыша, тот контролирует стаю.

— И Фролов хочет меня контролировать?

— Фролов хочет тебя уничтожить, — сказал Руслан, и в его голосе прозвучала горечь. — Он не охотник, но он хранитель. Хранители обязаны ликвидировать перевёртышей, если те не могут себя контролировать. Ты не можешь. Ты царапаешь стены по ночам, да? Просыпаешься с ногтями, полными штукатурки? Это начало. Дальше будет хуже. И когда ты превратишься в первый раз — Фролов тебя убьёт.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Почему ты тогда не убьёшь меня сам? Выиграл бы контроль.

— Потому что я не охотник, — усмехнулся Руслан. — Я изгнанник. Моя стая вышвырнула меня, когда я отказался

убивать перевёртыша. Маленькую девочку. Она была похожа на тебя — напуганная, злая, с царапинами на стенах. Я спрятал её. Она жива до сих пор. И я хочу спрятать тебя.

— От Вадима?

— От всех. В первую очередь — от него.

Я смотрела на Руслана, пытаюсь понять, врёт он или нет. Его глаза были серьёзными, почти печальными. Но в них не было того золотого огня, что у Вадима. Они были просто серыми. Человеческими.

— Докажи, — сказала я.

— Что доказать?

— Что я перевёртыш. Что ты не врёшь.

Он вздохнул.

— Закрой глаза.

— Зачем?

— Закрой. И вспомни свои сны. Не те, где ты царапаешь стены. Те, где ты бежишь. По лесу. С волками. Ты помнишь их?

Я закрыла глаза. И правда — сны. Я бегу на четырёх лапах, чувствую запах земли, слышу дыхание стаи. Луна надо мной, жёлтая, огромная, как глаз хищника. Я — волчица. Я — часть стаи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.